

го жидкого, она готова ко всякому изменению цвета, когда подвергается трансформации. Она образует постоянную основу, между тем как цвета не имеют собственного основания; или, лучше сказать, ртуть, теряя свою собственную основу, делается изменчивой через обработку металлических тел» (Чугаев, 1919, с. 28; Berthelot, 1893 в, 119, 315). В этом отрывке Синезий сообщает о различных видах ртути⁹. Из текста следует также, что за ртуть принимали молекулярный, серебристого цвета, мышьяк. Здесь же выдвинут принцип «ртутности», понятый субстанционально и осуществляемый в алхимической игре цветов. Но и цвет субстанционален, веществен постольку, поскольку основан на ртути как принципе субстанциональном и духовном сразу. Выявление же принципа «ртутности» сопровождается тем, что ртуть, теряя собственную основу, делается изменчивой в ходе трансмутации металлов. Делаться изменчивой — это значит разрушать свою телесность, ломать внешние формообразующие очертания, но зато выявлять собственную неизменную сущность, субстанцию — дух.

Необходимо освободить материю, извлечь из нее душу, отделить душу от тела, чтобы достичь совершенства, советует Стефан Александрийский (VI в.). Душа есть часть наиболее тонкая («тинкториальный, красящий дух». — В. Р.). Тело — это вещь тяжелая, материальная, темная, имеющая тень. Необходимо изгнать тень из материи, чтобы получить чистую и непорочную природу. Необходимо освободить — обнажить — материю. Но что значит «освободить»? — вопрошает александриец. Сначала робко, в форме риторического вопроса, будто бы отвечает: не значат ли это лишить, испортить, растворить, убить и отнять у материи ее собственную природу. Иначе говоря, уничтожить форму, лишь по видимости связанную с сущностью (Berthelot, 1885 [1938], с. 76; Stephanos, 1937, 1).

Великое деяние алхимиков с самого начала ощущается как деяние нравственное. Александрийская алхимия первых веков новой эры преодолевает библейского змея как чистое зло. Гностический змей Уроборос иной: он символизирует единство добра и зла, двойственное, взаимопереливающееся единство, ибо лекарство от зла есть самое зло. Это главная этическая идея гностиков. Если Мария-еврейка считает ртуть ядом всех вещей (Berthelot, 1885 [1938], с. 277), то Стефан полагает ртуть огненным лекарством. Гносис имеет дело с крайним состоянием тела (и духа): оргазм, мистический экстаз, божественное просветление. Христианская теология ориентирована на предмет рядовой, умиротворенный. Может быть, — в определенном повороте — христианская теология есть рациональная рефлексия гностицизма? Тогда христианская алхимия — рациональная рефлексия мистической алхимии гностиков. Именно она стала самостоятельной сферой деятельности средневекового европейца в пору зрелого средневековья, сохранив, однако, свой гностический генотип. Разрушение тела уравновешено разрушением духа: «Если вы... не превратите в тела их нематериальные субстанции...» Дух, превращаемый в

⁹ Самородной и из киновари — различаемых по роду посуды: медная, свищовая.